ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

SEMANARIO
"NUESTRO PAIS"
Organo Monárquico Ruso

Correo Argentino Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233

TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO V Buenos Aires, sábado, 11 de octubre de 1952 • Буэнос Айрес, суббота, 11 октября 1952 г. № 143

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ДОКТРИНА БЕЗ ЧЕЛОВЕКА

(Продолжение).

О СОЛИДАРИСТСКИХ ВЫГОДАХ

Мнение Бориса Николаевича о солидаристах и о проистекающих от них выгодах привело меня, признаюсь, в некоторое смущение. Борис Николаевич, конечно прав: сто миллионов колхозников будут против усадебных участков. Но ведь лет двадцать тому назад они, еще не будучи колхозниками, были и против "приусадебных". Борис Николаевич знает так же точно, как знаем и все мы, что в конце концов "доктрина" взяла верх: был голод, была гражданская война ,были тифы, были расстрелы в истинно мировом масштабе, и теперь все сто миллионов сидят в колхозах. А. Тыркова-Вильямс, "свергая самодержавие", всего этого как-то не предвидела. Может быть, мы, свергая "деспотизм", кое-чему научимся у наших неудачных предшественников по свержению? Действительно, в НТС много "народных монархистов", — не знаю, сколько именно, но много. Так ведь это **именно потому, что** "доктрину" Народной Монархии я уже лет десять стараюсь пропагандировать всеми доступными мне средствами. А если бы я этого не делал, то не было бы народных монархистов и в НТС. Борис Николаевич оказывает русской эмиграции большую, хотя и несколько запоздалую услугу: он критикует марксизм **прошлого** и его "интеллигентские" корни. Я позволяю себе критиковать **сегодняшний** марксизм солидаристов, кое-как подкрашенный румянами и белилами довольно громких, но ничего не значущих фраз.

Выгода? Не знаю. Тот же А. Керенский в свое время, осенью 1917 года, считал, что большевики все-таки "выгоднее" реакции. Однако, при "реакции" был бы он сейчас, по крайней мере, присяжным поверенным в России, а при большевиках — вот мотается по всяким Фюссенам. Я не питаю решительно никакой ненависти к А. Керенскому, но следовать его примеру никак не хочу: я считаю, что насильственный захват власти солидаристами, во имя кое-как перекрашенного марксизма, **технически** возможен. И даже больше этого, — технически **вероятен.** Может быть, по этому поводу Борис Николаевич вспомнит судьбы "Власовской Армии". Командовал ею, конечно, ген. А. Власов. А "советы" давали солидаристы, то есть, практически командовали, конечно, они, а не ген. А. Власов. Отсюда — Национально-трудовой строй в Пражской программе, отсюда штурм Праги и отсюда же поиски ген. А. Власовым и его соратниками гостеприимства у союзников, вместо перехода в Швейцарию. Таким образом, Власовская Армия находилась под командованием солидаристов. И если Борис Николаевич признает, что солидаристы открыто идут на диктатуру, то, может быть, мы, все остальные, имеем право **заранее** принять какие-то меры.

В частности, я не согласен и с утверждением Бориса Николаевича, что "стремление к диктатуре неотъемлемо от каждой партии". Ни английские консерваторы, ни американские демократы, ни немецкие христианские демократы вовсе не стремятся к диктатуре, как НЕ стремится к ней и Народно-Монархическое Движение. Ибо "диктатура" вовсе не означает "правление партии", а она означает исключение всякой оппозиции. Народно-Монархическое Движение представляет себе Монархию, стоящую НАД партиями, но никак не исключение какой бы то ни было оппозиции против министерства внутренних дел.

Я позволю себе повторить еще раз: в данный момент перед Россией НЕ стоит выбор: республика или монархия. Выбор стоит иной: республика или диктатура. В случае этого выбора, я **все-таки** предпочту республику. По многим причинам. В частности и по той, что при республике у нас будет возможность в парламенте энного созыва получить большинство, и поставить вопрос о всенародном голосовании. При диктатуре — нас с Борисом Николаевичем просто повесят. И кроме всего этого, мы не имеем никакой возможности брать с собою "в обоз" то ли Керенского, то ли Абрамовича: нас и самих пока что даже и в обоз не пускают. И совершенно неизвестно, пустят ли вообще, а , если все-таки пустят, то будет ли смысл размахивать монархическим знаменем, сидя в обозе Дон Левиных, Болдыревых и Керенских? При **сегодняшней** комбинации обстоятельств, я этого смысла не вижу. Всякое оккупационное правительство оскандалится все равно. Есть ли смысл с монархическим знаменем попадать в обоз скандала?

Все это очень неясно. Как неясен и вопрос о солидаристских деньгах, типографиях и прочем. Борису Николаевичу, "как общественному деятелю", безразлично откуда эти деньги взялись. Мне не безразлично, — это цена жизни более чем тысячи русских юношей и девушек. Можно, конечно, сказать:

. . . борьба
Жертв искупительных просит.

О берлинской истории, которую я **знаю,** я даже и писать не хочу. Но, как бы я ни критиковал и марксистскую доктрину, и ленискую практику НТС, я **никогда** не занимался ни личными нападками, ни, тем более, клеветой. Что же касается "правой" печати, то вот рыбаковская "Россия" твердо считает солидаристов истинно национальной партией, причем, конечно, вовсе неизвестно, что именно означает термин "национальный". Другая столь же "правая" газета, как "Россия" — "Набат" (№ 36 и др.) утверждает, что солидаристы это просто-напросто советская агентура. И приводит целую кипу доказательств, которые не стоят, само собою разумеется, ни копейки. Ни одной самой ломаной копейки. Ибо, если уж Советы стали бы сейчас давать деньги, то м-ру Труману за его послание Украинскому Конгрессу — это имело бы смысл. Давать деньги солидаристам, вырывающим советский актив из-под ног Сталина, нет, как мне кажется, решительно никакого смысла.

В общем" доктрина" заменяется человеком. Люди не выступают против "доктрины" республики, но объявляют Керенского жидом, предателем и вообще исчадием ада. Не критикуют солидаристский марксизм ,но обвиняют В. Байдалакова в том, что он есть советский агент. Не выступают против доктрины Народной Монархии, но обвиняют И. Солоневича во всем, кроме, правда, еврейского происхождения. Однако, мою погибшую в Софии жену обвиняли и в этом. Когда лобовая атака в виде приказов о бойкоте "Голоса России" не помогла решительно ничему, был организованно пущен слух, что я-то сам еще ничего, конечно, мужик и хам, но все-таки русский, а вот Тамара Владимировна — она еврейка, отсюда, де, и левацкие загибы Ивана Лукьяновича. В Софии мне на эти слухи было наплевать, а в Германии пришлось туго — мой сын оказался хальб-юде. Об этом и еще о некоторых довольно трагических анекдотах я еще напишу. Но так как еще совсем недавно от одного крупного правого деятеля я получил письмо с сожалением о еврейском происхождении Тамары Владимировны, я пока что, авансом, хочу сказать, что она была потомственной дворянкой, кончила Новочеркасский институт, потом classe française при Смольном институте и служила преподавательницей в Мариинской женской гимназии, до эвакуации этой гимназии в 1915 году Но слух, пущенный в 1937 году, живет и сейчас. То же относится к еврейскому происхождению Керенского, к советской агентуре солидаристов, которые, кстати, **первые** подняли тревогу по поводу Скоблина. Лично я тогда им не поверил ни на копейку, а правы оказались именно они, солидаристы. Стали бы советчики давать деньги людям, раскрывающим их агентуру? То же относится и к фальшивым долларам, за счет которых живет Высший Монархический Совет. Решительно то же самое относится и ко всем действиям нашей, так сказать, стандартизированной правой эмиграции. Вот. Н. Рыбаков по поводу СБОНР-а пи-

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
ДОКТРИНА БЕЗ ЧЕЛОВЕКА
(Продолжение)

•

Борис Ширяев
СЦИЛЛА И ХАРИБДА

•

Владимир Рудинский
СТРАТЕГИЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

•

Аслан-бек
САМООПРАВДАНИЕ ИЛИ КРИТИКА?
(Письмо в Редакцию)

•

DOS CARTAS SOBRE RUSIA Y EL COMUNISMO

•

Глеб Томилин
ДВЕ СИЛЫ

•

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

сал, что наши левые, это "самозванная группа злостных **руссофобов,** поставивших своею целью расчленить, разбазарить русский народ". В то же время именно эти "злостные руссофобы" заставили Американский Комитет как-то повернуть свою политику от расчленения к чему-то еще нам неизвестному, но, все-таки, менее расчленительному. СБОНР я назвал "вторым Дюнкирхеном", чем он и явился на самом деле. Но взорвали-то его не мои статьи, а действия С. Мельгунова и А. Керенского. Я никак не республиканец и еще менее социалист, но не стану же я называть С. Мельгунова, или даже Б. Николаевского, "злостными врагами русского народа". А. Тыркова пишет в своей книге, что только в эмиграции она установила: "царские министры любили Россию не меньше, чем Союз Освобождения". Может быть, мы могли бы вынести некоторые уроки хотя бы из книги А. Тырковой? И не называть злостными руссофобами, жидами, провокаторами, фальшивомонетчиками всех, кто благо России видит не на тех путях, на которых его видим мы. Ведь у всякого разумного человека вся эта сумма личной брани ничего, кроме отвращения, вызвать не может. И **вызывает. Я знаю лично** всех руководителей НТС, я знал лично А. Керенского, я знаю всю его деятельность за 1916—19 г. г. Я нападаю на "доктрину" направляемого держимордизма или на теорию непосредственного народоправства, но я не нападаю **лично** ни на В. Байдалакова, ни на А. Керенского. Да, мы **политические противники.** Но из этого никак не следует, что бы В. Байдалаков наживался бы лично на фальшивых долларах.

Наши "стандартизированные" правые всякую идейную борьбу сейчас же переносят в чисто личную плоскость. Не соображая при этом одного и очень простого обстоятельства, что есть же в мире разумные и информированные люди, которые весь этот букет колючек и вонючек используют как следует. Что они у ж е и сделали.

***

Я не историк. И мне **приходится** писать об истории. Проф. Б. Ширяев — историк литературы. И вот я просил проф. Б. Ширяева: дайте хоть что-нибудь по истории старой Москвы. Проф. Б. Ширяев ответил мне в том стиле, что и рад бы, да никаких книг у него нет. И у меня тоже нет. За рубежом имеется около полутора миллиона монархической эмиграции, которая искренне, хотя и без каких бы то ни было оснований считает себя культурной элитой. Но она **не читает.**

Мой эмигрантский опыт несколько больше опыта Бориса Николаевича: от Гельсингфорса до Монтевидео я посетил больше десятка столиц, обитаемых в частности и эмиграцией. И видал сотни эмигрантских квартир. Несусветимой детективной дряни на местных языках там валяется, я думаю, на миллион долларов. Но Тихомирова вы не достанете, Соловьева вы не достанете, Зебалина вы не достанете, очень честных книг Деникина вы не достанете. Сейчас я получил утешительное сообщение, что моя "Диктатура Импотентов" разошлась за три года в числе 800 экземпляров — это мировой эмигрантский рекорд. Г. Андреев, кажется в "Гранях", подсчитывал, что "успешный тираж" равен тремстам экземплярам! Общий тираж всей эмигрантской прессы равняется, по моим очень приблизительным подсчетам, тысячам пятнадцати, то есть **русскую печать** читает целый **один процент** русской эмиграции, на правом крыле — еще меньше.

Левый лагерь танцулек не устраивает: он ищет и находит доступ к иностранной прессе, и к иностранным кругам, он издает "Возрождение" и "Новый Журнал", он выпускает пусть и враждебные нам, но **серьезные** газеты. Правый — танцует. М-р Н. Рыбаков "дает три бала ежегодно", но не в пример Онегинскому папаше, не проматывается, а процветает: доблестные соратники жертвенно отплясывают фокстрот, а попробуйте вы предложить им доклад о возможной роли профессиональных союзов в будущей России — не придет ни один.

***

...Это, дорогой Борис Николаевич, есть факт, и есть факт, который и привел нас в эмиграцию: не Керенский же с Абрамовичем устроили нам это путешествие? Вопрос, конечно, заключается в том, так зачем же при этих условиях нужны и Народно-Монархическое Движение и "Наша Страна". Я отвечу.

Мы, все-таки, в истинно окаянных условиях, подобрали читательскую массу, порядка тысяч десяти "Нашу Страну" по ее дороговизне, люди читают "вскладчину". Это — та **монархическая** элита, которая **думает.** Вовсе не обязательно, чтобы она думала точно так, как это делают Б. Ширяев или И. Солоневич, но **думать**-то нам ведь есть о чем: мы, Россия, прошли **ряд** поражений и **ряд** революций, — не Керенские и Аронсоны их вызвали! Внутренний социальный склад в старой России был **дисгармоничен** ("Трагические противоречия русской жизни" — по выражению Государя Императора) и, в частности, именно эта дисгармония привела к трагическому провалу всех Белых армий. Мы пытаемся эту дисгармонию анализировать и **отделить** монархическую элиту от правого болота, которое есть болото, было болотом и болотом и остается. Это — **очень** трудно. Иногда это делается неловко или резко, или неумело, или, как хотите, но **смысл** "Нашей Страны" именно **в этом.** Болото в Россию НЕ вернется, оно России не нужно и Россия ему не нужна, в России ему делать будет нечего. Нам с этим болотом не по дороге, и если бы мы с ним пошли, оно нас погубило бы, как погубило Монархию и Белые армии. И еще раз свалило бы всю свою доблесть на какие-нибудь темные силы проф. Б. Ширяева: нужен же козел отпущения!

Десять тысяч — это, конечно, очень немного, менее процента. Но это, все-таки, лучше, чем совсем ничего. Проф. Б. Ширяев пишет, что нужна лишь "заготовка идейного материала", "лабораторный опыт для серийного массового производства **там".** Вот этим мы и занимаемся. Перебиваясь из кулька в рогожку и из рогожки в кулек, выпустили все-таки несколько книг, которые могли бы быть значительно лучше, если бы, например, у Бориса Николаевича или у Ивана Лукьяновича были бы такие условия работы, какими **левые** обеспечивают **своих идеологов.** У нас этих условий **н е т .** И почти единственное, что мы можем сделать, это — путем почти **сверхчеловеческих** усилий — на фоне танцулек и юбилеев заняться "подготовкой идейного материала", и "лабораторными опытами для массового производства там". В последнем номере "Нового Журнала" есть небезинтересная полемика о культурном уровне "здесь" и "там", к этой полемике я еще вернусь. Но, **конечно,** культурный уровень "там" выше, чем "здесь", в этом не может быть никакого сомнения. Вот это и нужно иметь ввиду. "Там" не хватает целой массы конкретных знаний, но "там" есть ж а ж д а этих знаний. "Здесь" нет ни знаний, ни жажды. Когда-то, кого-то, в каком-то корпусе снабдили скудными, совершенно детскими представлениями о России и эти представления неуклонно живут и до сих пор. А так как реальные факты реально исторической действительности противоречат представлениям и эмоционально неприемлемы для носителей этих представлений, то, вот люди и занимаются разведением козлов отпущения: солидаристы — советская агентура, Керенский — жид, Скаржинский — фальшивомонетчик, Солоневич — разлагатель и предатель. До Б. Ширяева еще не добрались, но наверняка доберутся.

***

Роль самого главного козла отпущения до сих пор вполне удовлетворительно играет А. Керенский. Это он — Адлер или Блом, Блонд или Циперкович, это он устроил революцию и сверг Монархию, это он виновен в гибели Царской Семьи, это он доблестно и совершенно единолично победил триста тысяч офицеров и три тысячи генералов... А в САСШ есть люди профессионально изучающие всю историю русской революции. Вот весь этот вздор они и доложили куда следует: вот, что пишут **русские монархисты...** Вот и получился "провал", да еще и "окончательный и навсегда".

С уровня развеселых танцулек, с буфетом организованным при любезном участии госпож А., Б., В., Г., и т. д. всего этого, само собою разумеется не видно.

Не видно и еще некоторых вещей. Именно эти некоторые вещи вызывают исключительную трудность положения Народно-Монархического Движения.

Подавляющее большинство первой эмиграции, а "стандартизированно правой", в особенности, — служило-поместный слой старой России. Из "интеллигенции" в эмиграцию попали только ее верхи, вероятно, в порядке сотен человек. Врачи и агрономы, юристы и кооператоры, преподаватели и профессора, торговцы и промышленники — в таком же подавляющем большинстве случаев остались в России. Большинство их погибло или вымерло. Но та "интеллигентская традиция", которая до 1917 года идейно, жертвенно и прочее в этом роде, свергала Самодержавие, сейчас, в своем подавляющем большинстве, так же идейно, жертвенно и прочее в этом роде, готова свергать коммунизм и восстанавливать, по меньшей мере, монархию вообще, о том, что есть "самодержавие" в его нравственных истоках, эти люди разбираются мало. Эта интеллигентская традиция, переменившая знак "минус" на знак "плюс", передает свою традицию и своим детям, которые, под всякими комсомольскими и прочими украшениями, сохраняют и независимость мысли, и идейность, и жертвенность, и все такое. Кроме того, эта интеллигенция **нашла** один путь с народом. Или — несколько с другой стороны, "народ" убедился в необходимости интеллигенции.

Я не знаю подсоветской биографии Бориса Николаевича. О своей я уже писал. Был и грузчиком, и рыболовом, и кооператором, и чернорабочим, и санитаром, и работником социального страхования, я сидел в восьми чрезвычайках и в двух концлагерях. Можно предположить, что и о народе и об интеллигенции СССР я кое-что знаю. Можно предположить, что я отдаю себе достаточно ясный отчет и в эмиграции.

Левая группа эмиграции, количественно совершенно ничтожная, очень сильна своими интеллектуальными силами, которые, впрочем, виснут в пустоте — весь их "интеллектуальный багаж" оказался пустоцветом. "Стандартизированно правая" часть эмиграции по вековой и служебной привычке, более или менее автоматически, или даже просто автоматически, подчиняется своим бывшим верхам. Только потому, что они в генеральских чинах. М. Коряков в своей последней книге, устами какого-то лейтенанта, говорит солдату:

"Солдат должен смотреть на генерала, как на Бога!"

В **некоторой** степени это правильно для армии. Но это совершенно неправильно ни для чего другого. Однако, именно этот "условный рефлекс" — рефлекс служебного подчинения — остался в нашей "стандартизированно правой" эмиграции, и она, может быть, и искренне полагает, что если во главе какого-то объединения стоит генерал, то

(Продолжение на 7-ой стр.)

Борис Ширяев

СЦИЛЛА И ХАРИБДА

В своем блестящем докладе на расширенном редакционном совещании "Посева" Л. Д. Ржевский поставил знак равенства между понятиями "советский" и "русский". Мне думается, что на этот раз столь, безусловно, тонкий знаток языка, как глубоко уважаемый мною Л. Д. Ржевский, допустил этимологическую ошибку, пропустив необходимую здесь приставку "под", но с фактами нужно считаться. Большая часть национально-русского сейчас, действительно, находится в стране советов, в ПОДсоветском состоянии и трагично, что это касается не только материальных, но и духовных ценностей: Сталин все больше и больше овладевает ими при активной помощи западных демократий.

Да, Россия там, но какая? Представленная идейным комплексом "партии и правительства СССР" или другая — "невидимая" еще многим Россия, фрагменты которой обрывчато вырисовываются в книгах Р. Н. Александрова, В. Алексеева, С. Юрасова, Б. Башилова и в повестях самого Л. Д. Ржевского. Создавать по этим разрозненным фрагментам общий облик "невидимой России" так, как Кювье по одной лишь кости угадывал все строение скелета животного, было бы крайне рискованно и привело бы к перегибам, один из которых дал на том же совещании Е. Р. Романов, обратившись к присутствующим со словом "товарищи".

Почему ,на какой психологической основе был применен им этот термин, получивший уже специфическое значение "там", даже среди части партийцев? Из дальнейших его слов видно, что он хотел подчеркнуть им утверждение жизненности и творчества великой нации, к сожалению, действительно непонятых и отрицаемых до сих пор многими, он окрасил это утверждение в тона, отталкивающие здоровые элементы той же нации. В этом глубокий и грозный симптом.

Отталкиваясь от Сциллы, от психологического непонимания происходящих в Сталинской России процессов, Е. Р. Романов отнюдь не стал лицом к назревающей там же национальной революции, в неизбежно грядущих боях которой кличка "товарищ" и обозначенный ею комплекс понятий будет закреплена за нашими общими с Е. Р. Романовым врагами. Применив его к себе, он тем самым стал под угрозу Харибды — "совпатриотизма". Фальшиво звучит "Занесло тебя снегом, Россия", но столь же фальшиво и "Страна родная... где так вольно дышет человек".

Обращения "товарищ", "соратник", "брат" и т. д., конечно, только внешние, условные формы, но суть в том, что этими формами мы характеризуем свое отношение к той части великой, единой Российской нации, в которой мы ищем созвучия психического строя и в которой мы рассчитываем найти основные кадры бойцов грядущей борьбы. Мы — политическая эмиграция в целом: монархисты, солидаристы, сбонровцы и пр. Принадлежат ли к этой искомой нами части "товарищи", те, кого и там привыкли определять этим термином?

Конечно, нет. Недоучет этого и вызвал перегиб Е. Р. Романова в сторону уклона к "совпатриотизму". Очень опасный для всех нас, "новых", перегиб.

Характеризуя затем методы антисоветской пропаганды на всех трех ее фронтах — "там", в демократическом мире и в среде самой эмиграции, — Е. Р. Романов дает блестящие формулировки, которые следовало бы усвоить всему фронту освободительной борьбы в целом. Следует отметить, что в них он повторяет лозунг "За нашу и вашу свободу", выдвинутый буквально в той же форме И. Л. Солоневичем в Финляндии в 1939 году, но в этих четких его концепциях Е. Р. Романов уже противоречит своему обращению "товарищи".

"Мы должны апеллировать, говорит он, не к отрицательным, а к положительным сторонам человеческой природы". Это более чем верно. Но направлено ли его обращение именно к этим сторонам, а не к качествам обратного порядка? Не содержит ли оно в себе подлаживания, подыгрывания к абсолютно ненужному нам в борьбе элементу политических пошляков, именно тех, к кому в подсоветской России крепко приросла кличка "товарищ"?

"В пропаганде действительно лишь обращение к будущему", совершенно правильно утверждает он далее. Но ведь комплекс понятий, вложенных в кличку "товарищ" — наше прошлое, не только недавнее, то, от которого нам удалось уйти, но прошлое всего ложно направленного русского "освободительного", антинационального, революционного движения, результат которого нами пережит и отброшен нашим уходом из страны победившего социализма. "Товарищ "отжил для революции и в ее национально-рус-

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Хозяева

РУССКАЯ СКАЗКА

Обложка и рисунки в тексте ЮРИЯ СОЛОНЕВИЧА

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

Цена — Ам. долл. 1.—

В Аргентине — Песо 15.—

казывал графу Витте разработать проект введения восьмичасового рабочего дня на фабриках, то было довольно очевидно, что провести этого проекта никак нельзя: данный уровень мировой техники был сильнее самых лучших желаний Самодержца. Такого дня не было тогда (середина девяностых годов) нигде. Если бы он насильственно был введен в России, наша промышленность была бы задавлена иностранной.

Аналогичные общественно - технические отношения вызывали на Руси с одной стороны — холопство и, с другой, крестьянское закрепощение — эти силы действовали во всем мире. Холопство выросло из массы всяких выбитых из колеи людей, отдававших свою волю в руки того, кто мог прокормить и защитить их. Закрепощение крестьянства было военной необходимостью, которая закрепостила также и дворянство*). Впоследствии, после Петра, права холопства и крестьянства были уравнены — по уровню холопства. Самодержавие исчезло, и "экономические отношения" взяли верх.

Но это уже было п о с л е самодержавия. Пока, — до Петра I включительно, самодержавие существовало, — крестьянин имел в нем нерушимую защиту даже и от "экономических отношений". Беляев в своей истории русского крестьянства говорит:

> "Грозные государи московские Иоанн III и Иоанн IV были самыми усердными насадителями исконных крестьянских прав. В особенности, царь Иван Васильевич постоянно стремился к тому, чтобы крестьяне в общественных отношениях были независимы и имели одинаковые права с прочими классами русского общества".

Не следует преувеличивать ни "независимости", ни "равноправия" крестьянской массы Московской Руси. Крестьянская политика московских царей находилась

*) Военная служба дворянства начиналась с 15-ти лет и продолжалась до инвалидности или смерти. (История СССР, Т. 1, стр. 361).

ние" было издано в невиданном и для Западной Европы тираже — 2.000 экземпляров. Была издана "Степеная Книга" — систематическая история московского государства, "Царственная книга" — одиннадцатитомная иллюстрированная история мира, "Азбуковник" — своего рода энциклопедический словарь, "Правительница" старца Эразма-Ермолая, "Домострой" Сильвестра. Издавались буквари и учебники для правительственных и для частных школ... Росли и заграничные торговые связи: за время с 1669 по 1686 г. вывоз льна увеличился вдвое (с 67 до 137 тысяч пудов), вывоз конопли больше, чем втрое — (с 187 до 655 тыс. пудов). В 1671 г. через Архангельск было ввезено 2.477 тонн сельдей, 683 тысячи иголок, 28.000 стоп бумаги...

Для сравнения этого товарооборота с западно-европейским, я приведу оценку проф. Зомбарта о приблизительно одновременном товарообороте всей Европы с Италией, и через Италию — с Ближним Востоком: ежегодное количество товара могло бы уместиться в одном нынешнем товарном поезде. Нынешний товарный поезд поднимает около 40.000 пудов — тонн шестьсот.

Москва первых Романовых росла поистине поразительными темпами. Марксистский историк М. Покровский всячески пороча правление этих Романовых, как-то вскользь упоминает: во второй половине XVII века прирост населения и его благосостояние оказались так неожиданно велики, что даже водки не хватило: пришлось импортировать из Лифляндии.

Забегая несколько вперед, скажу, что никакой "бездной" (по Пушкину) в Москве и не пахло. И что после Петра, который нас от этой "бездны" якобы спас, проблемы о нехватке водки не возникало вовсе: была проблема нехватки людей и хлеба для людей...

Москва Алексея Михайловича стояла так же крепко, как Россия Николая Александровича, и — для того, чтобы от Алексея скатиться к катастрофе Петра, и от Николая — к катастрофе Ленина. К а к это случилось, — мы можем установить довольно точно. Но отчего не случилось ничего лучшего, — мы объяснить не

ской фазе ему места нет. Он — печальное, очень печальное прошлое — реакционный пережиток.

Отрицание **действительно происходящего** непрерывного поступательного движения, роста русского народа и Российской нации в целом — Сцилла, угрожающая "старой" эмиграции, преимущественно "прогрессивной" ее части, подпавшей под влияние "лавдистов", апостолов "теории морлоков" и всевозможных "аргусов". Но это чудовище абсолютно не страшно нам, "новой" эмиграции и тем более не страшно оно "там". Мы не можем заболеть сухоткой мозга этого вида. Мы **знаем,** мы **видели** иное.

Но Харибда своеобразного просоветизма нам, безусловно, угрожает. Прием, оказанный "новым" великими демократиями и дальнейшее их отношение к Российскому народу, направляет нас именно в зубы этого чудовища. Ялта и Потсдам, охота за черепами, Дахау, Лиенц, УНРРО-ИРОВские мытарства и, наконец, теперь явная розенберговщина некоторых политических групп в США, наводящая на печальные размышления "помощь" комитета Освобождения Народов России, — все это факторы, давшие глубокие отпечатки на психике "новых", и будучи умело использованными советской пропагандой, они произвели аналогичное действие и "там". Симптомом, грозным симптомом результатов этого действия и явилось обращение Е. Р. Романова к "товарищам".

Я далек от стремления и желания бросить камнем в Е. Р. Романова, ибо мне вполне понятны психологические основания, несомненно, продуманного им обращения. Они не составляют монополии одних лишь солидаристов. Все послевоенные годы и особенно последний год, прошедший для Российской антисоветской эмиграции под знаком "освобождения народов России", сделали слишком тонкой стенку, разделяющую в нас понятия "русский" и "советский". Для очень многих и лучших из нас в этом большая трагедия. Вопрос — Розенберговско - Дон - Левинское раздробление Российской нации и уничтожение Российской государственности — с одной стороны и сохранение единства нации, достигнутого тысячелетием ее культуры, хотя бы в форме социалистической государственной, но единой сталинской тирании — с другой встал перед многими из нас с необычайной остротой. Тонкая стенка грозит рухнуть.

Но это болезнь. Это особый вид ностальгии, очевидно, свойственный нам и форсированный действиями различных дон-левиных. С этой болезнью нужно бороться. Будем тверды и преодолеем ее, зная, что невидимая многим Россия (советская по Л. Ржевскому, подсоветская по-моему, дело не в этой приставке), **эта Россия с нами и нам она видима: в ней "товарищей" нет.**

Борис Ширяев.

Вышла из печати и поступила в продажу книга Бориса Ширяева (А. Алымова)

Ди Пи в Италии

ЗАПИСКИ ПРОДАВЦА КУКОЛ

Цена — Ам. долл. 3.—

В Аргентине — песо 35.—

Владимир Рудинский

Стратегия контр-революции

Главная задача антибольшевистской эмиграции — свергнуть советскую власть. Как нам это сделать?

История может нам дать много полезных советов. Ничто не ново под луной. Уже много раз на свете совершались и революции и контр-революции; не раз также случалось, что из заграницы эмигранты активно участвовали в борьбе, шедшей у них на родине. Иногда речь шла о социальной, иногда о национальной борьбе. Как пример контрреволюционной эмиграции, можно указать на французских аристократов при якобинцах и даже при Наполеоне, на английских монархистов — "кавалеров", — во времена Кромвеля и позже на легитимистов "яковитов", отстаивавших права династии Стюартов. Примеров эмиграции, боровшейся за национальную независимость своей страны, можно найти много: польская, ирландская, греческая. Наконец, один пример революционной эмиграции: русские коммунисты и прочие левые до 1917 года. Эти последние блестяще достигли своей цели; но и большинство их предшественников рано или поздно, при помощи благоприятных обстоятельств, справились со своей задачей.

Какие уроки можно извлечь из их практики? Легче всего было положение националистов: их идеи разделялись всем их народом и расхождения в их среде могли иметь лишь характер либо личных, либо тактических споров. У них была возможность сплотиться вокруг родного языка и исторических традиций, призывая к восстанию против чужеземных и в большинстве случаев иноверных завоевателей: православные греки дрались против мусульман-турок, католики-поляки — против православных русских, католики-ирландцы — против протестантов-англичан и так далее. Сложнее была проблема, стоявшая перед

можем: тут начинается иррациональное в истории: ряд катастрофических случайностей, громоздясь одна над другою, дают прорыв темным силам страны. А темные силы — они существуют всегда и везде... В каждую эпоху, в каждой нации и в каждом человеке. Это о них Тютчев сказал:

Ты бурь уснувших не буди,
Под ними хаос шевелится...

Под Москвой первых Романовых тоже "хаос шевелился" — его разбудил Петр: хаос прорвался диктатурой дворянства. При Николае Втором — хаос будила русская интеллигенция и он прорвался диктатурой выдвиженцев. Чувствовала ли Москва шевелившийся у нее под ногами хаос? Вероятно, все таки, чувствовала. Смутное время с его попытками аристократической диктатуры было еще очень недалеко. И Москва тщательно готовила ему противовес, используя культурные навыки аристократии, но строя мужицкое самоуправление. Почти так же, как Николай Второй, который используя культурные силы интеллигенции, по преимуществу той же, дворянской, крепко держал в своих руках крестьянское самодержавие и пытался сомкнуть его с крестьянским земством. В обоих случаях попытка не удалась и в обоих случаях Россия свалилась в катастрофу...

Сейчас я перейду к последнему штриху существования допетровской Руси —к положению ее крестьянства, то есть к положению основной массы народа. И прежде всего напомню о главных путевых столбах московского самодержавия.

Ростово-суздальские мизинные люди, "смерды и каменосечцы" призвали Андрея Боголюбского и поддержали и его и его преемников. Низы Новгорода, Твери, Рязани и прочих "тянули на Москву", то есть, поддерживали тех же преемников Боголюбского. Все шло очень гладко до Ивана Грозного, когда его малолетство и его беспризорность совпали по времени с боярскими аппетитами на польский манер, и когда Ивану пришлось бороться за власть. После его отъезда (или побега) в Александровскую слободу, к нему явилась депутация посадских людей Москвы и молила, чтобы он "государства не оставлял и их (то есть посадских) на расхищение волкам не давал, найпаче от рук сильных избавлял, а кто будет государевым лиходеем и изменником, — они за тех не стоят, а сами их истребят".

Таковы были "полномочия", которые получил Грозный от посадских людей Москвы, или — в переводе на современный язык — от столичного пролетариата. "Сильных людей" Грозный пощипал основательно: это, по убожеству марксистских шпаргалок называется "классово-дворянским государством".

Когда, в Смутное Время, Шуйский дал боярству какую-то конституционную "запись" — посадская, мужицкая, "пролетарская" Москва снова подняла свой голос против "записи" — "того искони в Московском Царстве не важивалось".

Смутное Время ликвидировали те же мужики. Платонов пишет: "В Минине нашла своего вожака тяглая масса — московского государства последние люди". И, в другом месте: "восстановление самодержавия, потрясенного смутой, и было всецело делом земской России".

О Разине и Пугачеве говорит сам Сталин: "Говоря о Разине и Пугачеве, не надо забывать, что они были царистами" ("Вопросы Ленинизма", изд. 10-е, стр. 527).

О неудаче бунта декабристов Покровский говорит: "самодержавие было спасено русским мужиком в гвардейском мундире".

Картина, вопреки историкам марксистским и демократическим, либеральным и уклонистским, совершенно ясна: самодержавие и строил и поддерживал мужик. Обратимся теперь к другой стороне вопроса: как самодержавие строило и поддерживало мужика, в частности, — Московской Руси.

В Московской Руси, как раньше в Киевской, потом в Императорской, как и вообще повсюду в мире, действуют известные экономические силы, по отношению к которым "ограничена" даже самая неограниченная власть в мире. И если, например, Николай Второй при-

эмиграцией, стремившейся к социальному перевороту; им было необходимо разделить свою нацию на две части, найти те группы населения, которые могли им сочувствовать, и толкнуть их на активное выступление. Для монархической эмиграции одним из главных козырей в ее игре была всегда инстинктивная, традиционная привязанность народа к династии, которая держится целые века, как бы ее не старались подавить, и быстро нараставшее в большинстве случаев недовольство масс против нового режима. В пользу монархии в этих случаях действовали такие факторы, как кровавый террор во Франции или давящие пуританские ограничения жизни в Англии. Но русские революционеры далеко превзошли своей техникой все предыдущие опыты: они выказали настоящую виртуозность в отыскании и использовании всех угнетенных и недовольных групп в государстве, всех имеющихся источников возмущения — и, когда таковых не было, иногда с успехом сами их создавали.

Хотя контр-революция вообще и отлична от революции по своим задачам, — стремясь восстановить старое, а не создать нечто новое, — в данных условиях мы можем рассматривать контр-революцию, как вид революции. Отсюда вытекает необходимость для контр-революционеров знать, какие слои населения могут их поддержать, чего эти слои хотят, насколько они сильны, и какие лозунги для них всего убедительнее и доступнее. Ответить на эти вопросы не особенно трудно. Советским строем прежде всего недовольны крестьяне: на них, с одной стороны, падает самое тяжелое материальное бремя, и они лишены собственности на землю, к которой всегда изо всех сил стремились. С другой стороны, как отмечают марксисты, крестьянство есть класс консервативный и реакционный, долго помнящий старое и с трудом принимающий новшества. Оно сохраняет всякого рода исконные устои, и в нем, естественно, монархические чаяния сильнее, чем в других классах. Опять-таки, загнанному в колхоз крестьянству, по той же марксистской терминологии, "нечего терять, кроме своих цепей", а выиграть оно может многое. Итак, это и наиболее способная стать нашим союзником часть населения и наиболее многочисленная. Это показывает нам одно из наиболее важных направлений, в которых должна вестись наша пропаганда.

Другая часть жителей, которая настолько же решительно недовольна режимом, но по совсем другим соображениям — это интеллигенция; но мы имеем ввиду настоящую, высшую интеллигенцию. Она по своей природе не может жить без свободы слова и печати, а большевизм ни при каких условиях не может ничего подобного дать. Кроме того, интеллигенция желает прочного, устойчивого порядка. Она заинтересована в том, чтобы в стране не воцарился сумбур и хаос на долгие годы, и для себя и для государства. От смены режима ей терять нечего, и никакого выдвижения она себе от нее не ждет. Профессор, будь он филологом, ботаником или металлургом, хороший хирург, талантливый музыкант при всяком новом строе будет жить не хуже, чем при советах. Но его совершенно не устроит длительная гражданская война, при которой будут закрыты университеты и научно-исследовательские учреждения, школы и театры, разрушены больницы и сожжены библиотеки. Интеллигенция будет стоять за **твердую** власть, и за власть, способную обеспечить гражданам свободу.

Так, между прочим, будет настроена интеллигенция всех национальностей Союза. Настоящая интеллигенция любого нац-меньшинства ,где она есть, стоит на высоте русской культуры и мыслит всероссийскими масштабами; она вовсе не желает оказаться запертой в свой курятник, среди закрытых границ и изолированной от культурной и общественной жизни Империи. Иное дело, полуинтеллигенция, и чисто русская, и нац-меньшинственная. Для нее разруха и расчленение рисуются шансом выдвинуться за счет более способных и квалифицированных и потому ненавистных коллег.

В нормальных условиях от ученого, от администратора, от дипломата требуют знаний, — но при диктатуре партии проверяют лишь его партиный стаж, а в новоиспеченных миниатюрных государствах — лишь его национальное происхождение и преданность самостийным идеалам. При такой перспективе у многих недоучек слюнки текут: quo non ascendam.

Беда этих провинциальных политиканов, мечтающих о короне царя киммерийцев, или выражаясь более им подходящим языком, о роли "первого парня на деревне", состоит в том, что их вожделения никак не разделяются их соотечественниками, ни небольшой элитой, стоящей выше их, честолюбие которой строится в ином плане, ни массой, стоящей ниже их, вообще чуждой честолюбивых замыслов, но наделенной здравым смыслом и желающей спокойной человеческой жизни.

Великая Французская революция основывала свои планы на третьем сословии: оно было недовольно, и оно было реальной силой. Она не обращала своей агитации к дворянству, ибо то в массе в революции никак не было заинтересовано. Мы можем рассчитывать на крестьян и интеллигенцию; практически, настроения рабочих не намного левее, чем у крестьянина; армия в массе состоит из этих трех групп. Но на кого мы явно не должны надеяться, это на кадры компартии и связанные с ней группы бюрократии ,всякого рода погонщиков, будь то бригадиры в колхозах, или служащие в ГПУ. Не надо смотреть на дело слишком пессимистично: многие из них придут к нам сами. Одни — еще в начале борьбы, в огне войны, потому что у них накопилась личная ненависть против режима — за свой собственный арест, за расстрел родных или друзей и т. п. Другие, гораздо больше, — после нашей победы; худшая часть в силу того, что привыкла угождать всякой власти; лучшая — потому, что привыкла делать свою ежедневную работу независимо от того, кто стоит у власти. Но с нашей стороны было бы серьезной ошибкой строить свою пропаганду в расчете на эти группировки, ибо тогда нам пришлось бы отталкивать гораздо более серьезных и важных союзников, интересы которых им противоположны.

В этой связи, задумаемся над тем, кому нужны фразы марксистского стиля и приспособление к большевистской психологии? Не крестьянину, ибо он, в большинстве и не изучал марксистской диалектики, и не интеллигенту, ибо тот в своем кругу всегда с ненавистью издевался над всякого рода "ленинско-сталинскими" теориями, о которых по необходимости публично говорил с величайшим почтением. Кто принимал все это всерьез и основательно изучал — это рядовой парт-работник или даже беспартийный попутчик Советов, почти всегда полуинтеллигент по своему развитию. Именно для таких людей и в эмиграции, и, при иной обстановке, в России, нужны трескучие фразы о "лучшем отборе", "ведущем слое", "функциональной собственности", об "отжившем царизме", "завоеваниях Февраля", "солидаристской философии" и т. д.

Для монархистов бессмыслица говорить об "отборе", хотя они это иногда и делают, ибо наша задача — сплотить всю нацию вокруг Трона. Тогда само по себе выйдет, что безо всяких искусственных привилегий или ограничений каждый гражданин займет подобающее ему место, согласно его способностям и мужеству, — и именно такое положение даст России возможность блестящего, невиданного расцвета. Одна из причин обреченности младоросской партии, может быть, более серьезная, чем случайно погубивший ее в конце концов крен налево ее вождей, заключалась в попытке для борьбы с большевизмом приспособиться к его же фразеологии и методам. Лозунг "Царь и Советы" никому не мог импонировать в подсоветской России: там людям царь нужен в первую голову как средство покончить с Советами сейчас и как гарантия того, что они никогда не вернутся в будущем.

Поэтому также нелепо носиться с изредка перебегающими в лагерь демократии советскими сановниками. Они очень по душе американцам, но ничего не говорят населению СССР. Партийное и административное прошлое на советской службе ни для кого не плюс, а тяжелый минус, который можно смыть, но который ничем сам по себе не содействует популярности. Власов стал национальным героем не потому ,а вопреки тому, что был прежде советским генералом.

Наивно возлагать упования в деле разрушения советской власти на дворцовый переворот каких-нибудь Коневых и Жуковых. Генералы и маршалы, партийцы, вознесенные на высоты власти, они меньше всего заинтересованы в крушении большевизма; но даже если бы они и осуществили переворот, их цели наверное оказались бы совсем не теми, каких мы, последовательные антибольшевики, желаем.

Почему бы нам не понять, что подлинными героями и вождями окажутся люди сейчас никому неизвестные и при советской власти никоим образом не могущие выдвинуться, что рядовой крестьянин станет героем, как Сусанин, самый обыкновенный горожанин вождем, как Минин, что какой-нибудь армейский лейтенант или капитан, когда перед ним откроется дорога, вырастет в нового Суворова? И что главный вопрос, подлинный центр тяжести, будет даже не в их личных способностях и отваге, а в том, насколько полно они сумеют выразить волю народа в целом, народа, который сейчас страдает, терпит и молчит, но который, когда придет час, с непреодолимой мощью станет за то, чего он желает — за Царя, за Родину, за Веру.

Владимир Рудинский

Розыски

Редакция "Нашей Страны" просит Николая Адамовича КОСОВИЧА сообщить ей свой адрес, для пересылки полученного на его имя письма.

Разыскиваю капитана Ивана Максимовича КОЗЛОВА. Сведения о нем прошу сообщить Ивану СОКОЛОВУ —
Rua Bela Cintra 1466
Sao Paulo, Brasil

МИХАИЛА СТАХИВА, рожд. 3 июня 1904 г., переехавшего из Польши в Аргентину в 1922 г., разыскивает брат Стахив. Писать:
Sacerdote Jorge Romanoff
Av. de Mayo 665, piso 6
Buenos Aires

Разыскивается Владислав НАСЕННИК, рожд. 1926 г., шофер. Сообщить отцу:
G. Nasennik
1008 E. Adams Str.
Syracuse, N. Y., U. S. A.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Фонд Издательства "Нашей Страны" поступили следующие суммы:
От А. В. — 5.50 песо.

Читайте и распространяйте "НАШУ СТРАНУ".

ТОЛЬКО УВЕЛИЧЕНИЕ ТИРАЖА МОЖЕТ ПОНИЗИТЬ ЦЕНУ ОДИНОЧНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА ГАЗЕТЫ. ЗНАКОМЬТЕ С "НАШЕЙ СТРАНОЙ" ТЕХ, КТО ЕЕ ЕЩЕ НЕ ЧИТАЕТ — ОНИ СТАНУТ НАШИМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

Самооправдание или критика?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г., Господин Редактор.

Прошу не отказать в любезности напечатать на страницах Вашей уважаемой газеты нижеследующее:

На-днях я, получив от одного знакомого № 159 газеты "За Правду", прочел по его (знакомого) указанию, статью на последней странице этой газеты. Автор ее, некий г. Сакович, взялся доказать некоему "бойкому журналисту, специализировавшемуся на клевете на деятелей старого режима", что обвинения этого журналиста генералитета и офицерства старой Императорской армии в "вопиющей", "неслыханной", политической безграмотности — являются также клеветой.

С интересом и надеждой приступил я к чтению статьи г. Саковича, — ведь, он собрался реабилитировать нас, всех бывших офицеров и наших начальников, явившихся вольными или невольными виновниками в реализации преступного заговора против нашего Государя и Верховного Главнокомандующего. Заговора, приведшего к отречению Царя, к Февралю, к развалу армии, к Керенскому и, наконец, — к Октябрю...

В процессе чтения этой "душеспасительной" статьи, я убедился в ее полной беспочвенности, неубедительности, претенциозности. За последние десятилетия много нам пришлось прочитать бесчисленных мемуаров обанкротившихся верхов нашего бывшего правящего слоя, как военного, так и гражданского, и, пришлось убедиться в том, что никто не был виноват в постигшей нас катастрофе. Откуда же она взялась? Повидимому, это — Делосская задача! Мое же, личное мнение: все мы виноваты, но в разной мере. Чем выше стоял человек на иерархической лестнице, тем большая ответственность ложится на него. Естественно, что тягчайшая ответственность ложится на заговорщиков и на тех, кто явился исполнителем заговора. И те, и другие теперь известны почти каждому из нас. Неужели г. Сакович составляет исключение? Время ли теперь заниматься самоутешениями? Вместо строжайшей, беспристрастной, жесточайшей критики этих ушедших десятилетий, нашей деятельности в те годы, деятельности, приведшей, в конечном счете, к позорнейшему в истории нашей разгрому и бесчестию, уничтожению всего, что создавалось тысячелетием? На кого же ложится ответственность?

Если верить г. Саковичу, что мы были политически зрелы, то тем хуже для нас, ибо, в этом случае, надо допустить, что среди нас царили маразм, трусость, шкурничество... Я, — бывш. офицер-фронтовик, проведший войну не на берегу Рижского залива, а на передовых линиях в течение 2½ лет, с перерывами на излечение после ранений. Командование же батареей на берегу Рижского залива, было бы для нас, — месяцами не вылезавших из боев, — весьма приятной синекурой, отдыхом в резерве, в ближайшем тылу, находящемся также под обстрелом противника. Повидимому, г. Сакович, хоть и не уклонился от военной службы, подобно "бойкому журналисту по слабости зрения", — но устроился не хуже последнего.

Обвинение в политбезграмотности и прочих грехах касается меня, не менее других, однако, я считаю эти обвинения вполне обоснованными, а вовсе не клеветой. Пребывание в эмиграции десятилетиями, полагаю, достаточный срок, чтобы сделать соответствующие выводы. Далее, г. Сакович, вопреки историческим данным ,утверждает, что, так называемая, Февральская революция не была "ни рабочей, ни крестьянской революцией, и, конечно, не была революцией генералов и сановников, как ее стараются изобразить некоторые хулители старой России". "Был бунт солдат, окопавшихся в тылу"... Хорошо.

Так — кто же загнал в тупик состав Государя в Пскове? Кто первый взбунтовался против Него? Правда, — солдат, — но не "окопавшийся в тылу", а боевой генерал, генерал, забывший свою присягу! Можно ли когда-нибудь забыть, дерзкие, преступные, хамские слова этого любимого Царем генерала, обращенные к Нему, к Верховному Главнокомандующему ,в минуту Его тяжких сомнений, сомнений в целесообразности Его отречения от престола, слова, прозвучавшие как пощечина: "Ну-с, решайтесь!!!" (Кн. Шаховской. "Так проходит мирская слава"). Ген. Рузский, за измену, предательство и оскорбление своего Императора одним из первых жестоко расплатился за свое тягчайшее преступление. Но, его ожидает и небесное возмездие... А, к кому относились грустные, горькие слова нашего несчастного Государя: "Кругом трусость, измена и предательство"? К кому? Не к социалистам же?

Вне всякого сомнения, эти слова Государя могли относиться лишь к Его ближайшему окружению — генералам и сановникам, среди которых царили фатуизм, мракобесие, карьеризм, местничество, рутина и прочие разновидности нравственного упадка, маразма и гниения. Сплетни, клевета, всевозможные из пальца высосанные обвинения, исходящие из великосветских салонов по адресу Благочестивейшего Государя и Его чистой, примерной Семьи, распространялись по всей стране и в Действующей Армии, в окопах, среди солдат и офицеров... Что же это было? Что? Эту бессовестную, мерзостную агитацию против Государя и Его Семьи нельзя назвать иначе, как утерей последних остатков человеческой совести, стыда, чести... А теперь эти господа, хулившие своего Государя, мечтают о возврате им их поместий, чинов, орденов, привилегий и прочих благ, наследственных или благоприобретенных, утерянных ими в результате реализации их безумной и бессовестной политики. Все эти права и преимущества надо было суметь отстоять, биться за них — если не за Родину — до последнего издыхания.

Мы не смогли или не захотели это сделать, и потеряли все, абсолютно все, и навсегда. И если наш Господь даст нам вернуться на нашу освобожденную Родину, нам всем придется там начинать снова. Каждый должен заслужить свои **новые** привилегии, **новые** права и преимущества, каждый должен занять свое место по своим **новым** заслугам перед вновь обретенной Родиной. Все же прошлое пора позабыть, оно не вернется никогда.

Наше Белое движение было попыткой обанкротившихся генералов исправить свою роковую ошибку, искупить свое злодеяние перед Родиной и народом, но они не поняли, или забыли, что основной причиной, постигшей страну катастрофы— **являлась измена присяге своему Государю.** Это было первопричиной. И надо было вернуться к этой первопричине. Недаром Троцкий дрожал перед возможным поднятием **царской акции** наступающими белыми.

Но, самонадеянная политика генералов Алексеева, Корнилова, Деникина и прочих военных корифеев, еще не доросла до этого. Не доросла, и потерпела свое последнее поражение. Если же, по утверждению г. Саковича, мы были политически достаточно грамотны, то почему в хвосте нашей белой армии двигались помещичьи колымаги? Почему Добровольческая Армия, занявшая Царицын при помощи местных рабочих, встреченная колокольным звоном, хлебом-солью, при оставлении города была провожаема теми же рабочими — пулями, как это повторилось по адресу немцев во Вторую Мировую? Итак, попытка наших генералов искупить свою вину перед Родиной не привела ни к чему. Тяжкая их вина перед исторической Россией осталась не искупленной. И мы, бывшие под их начальством офицеры, являемся вольными или невольными виновниками их преступного акта по отношению к Государю, акта, имевшего столь роковые последствия. И никогда История не простит нам...

Я совершенно далек от мысли обидеть или оскорбить г-на Саковича ,но все же вынужден сказать, что старое кастовое чванство настолько крепко въелось в него, поработило его, что, несмотря на долгие годы всяких испытаний, он не в состоянии избавиться от этого чувства и потому не способен разобрать минувшие события если не с объективностью историка, то хотя бы — без предвзятого мнения. Нам нужно покаяние, а не самооправдание.

Нас, г. Сакович, ведь, не спрашивали — хотим ли мы отречения Государя, никого не спросили. Все делалось за нашими спинами, весь заговор, и его подленькая реализация. И мы стали лицом к лицу с совершившимся фактом.

Критика, а не хула или клевета, только критика, героев минувшей Российской февральской смуты и предшествующих ей лет, может избавить нас от повторения ошибок в будущем, и мы должны быть лишь благодарны "бойким журналистам", называющим в своей критике вещи их именами. А не обвинять их в каком-то разлагательстве.

Всех же морально-политических преступлений наших верхов не перечесть в этом письме. Да, и не к чему. О них можно прочесть в книгах Мельгунова, Кн. Шаховского, Ольденбурга и др. И что же? Все это тоже клевета?

Тегеран. **Аслан-бек.**

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции.

***

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур, сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

"НАША СТРАНА" в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (В. Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского —Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчика на углу Леандро Алем и Виамонте и на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвеар.

***

"НАША СТРАНА" существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Иван Солоневич

Доктрина без человека

(Продолжение. Нач. на 1-ой стр.)

он уж не подведет. Именно он и подведет.

Совершенно конкретный пример: во главе Антикоммунистического Центра стоит председатель Союза Дворян. Да, конечно, об этом можно промолчать, не заводить "склоки" и не "портить отношений". Но ведь, кому-кому, а Борису Николаевичу должно быть **абсолютно** ясно, что в тот момент, когда в России вопрос зайдет о монархии или о республике, то сотни и сотни Аронсонов и Коряковых на тысячах митингов и в тысячах газет скажут:

"Послушайте, вы же интеллигентные люди, неужели вы не понимаете, вот вы поддержите монархию, а с кем она идет? С Союзом Дворян! Так что через год вы будете иметь земских начальников, через два — дворянские собрания и через три — третье крепостное право: уж с вас взыщут за все убытки, за все сорок лет!"

Вы скажете, что все это — вздор. Примерно то же скажу и я. Но русские массы или напуганы или, по крайней мере, осторожны: сколько уж раз они обжигались. Кто в 1917 году мог себе представить крепостное право 1937 года? Аронсоны и прочие будут пугать земскими начальниками, будут говорить о профсоюзах, о кооперации, о мелиорации, о "правах **человека**". О чем будут говорить "союзы дворян"? И, что я буду говорить рядом с "союзами дворян"?

В России очень многое будет "совсем наоборот". Здесь, в эмиграции, моя полемика, хотя бы с тем же Н. Н. Чухновым, имеет совершенно определенный **положительный смысл:** она развевает галлюцинации наших крайних правых на реставрацию "Основных Законов 1906 года" и б ы т а этих лет. В России такая полемика м о ж е т очень сильно подорвать дело восстановления Монархии. Дело только в том, что если от дореволюционного быта и прочего не станем открещиваться мы, "народные монархисты", то это все равно сделают Аронсоны. И сделают это в форме атаки на Монархию вообще.

И тогда десятки и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, не говоря уже об интеллигенции, шарахнутся от Монархии в какую-то, нам еще неизвестную, сторону. И мы снова повторим эксперимент с "реставрацией Бурбонов".

"Стандартизированно правая" эмиграция этого не понимает и этого понять **не желает.** Ведь вот, все годы эмиграции так сладко было почивать на твердом и непреклонном убеждении в том, что Аронсоны и Керенские, жиды и масоны, устроили нам Февраль. Сейчас, после книг С. Мельгунова, С. Позднышева, моей серии о "Фальшивке Февраля" и доклада ген. Спиридовича, не может быть никакого сомнения в том, что Февраль нам устроил именно наш доблестный генералитет. Да, конечно, были и Гучков и Милюков. Была революция 1905 года, были декабристы 1825 года, было Смутное Время, словом, при наличии желания и времени, можно добраться и до сотворения мира. Но фактически и технически Февраль устроил именно генералитет. И, устроивши, — растерялся. Не знал, что почать, ложиться спать или бежать. Во всех Белых армиях тот же генералитет показал только свою абсолютную неспособность организовать какой бы то ни было государственный порядок, ибо государственный порядок это и есть "политика", а в политике эти люди не понимали ничего. Теперь бренные останки нашего старого сановного слоя думают, что они чем-то и как-то помогают и борьбе с коммунизмом и восстановлению России. Они **м е ш а ю т** борьбе с коммунизмом и они ставят восстановление Монархии под совершенно реальную угрозу.

Так что, если бы я пошел на какой бы то ни было "контакт" с тем же РАЦ, то это означало бы, что я сознательно и с каким-то личным расчетом работаю против восстановления Монархии Российской. И при этом у меня не было бы даже и того оправдания, что кое-как выкарабкавшись из пеленочного детства, я сразу впал в старческое.

Вот мой ответ на очень тяжелый вопрос Бориса Николаевича об "объединении". Да и з а ч е м оно нужно? В феврале 1917 года Ленин не имел за собою ни одного процента населения России. В момент вступления Гитлера в национал-социалистическую партию, Гитлер был **седьмым** по счету ее членом. Солидаристы, идя с Гитлером, не объединялись решительно ни с какими эмигрантскими группировками. Сейчас САСШ поддерживают группы, которые имеют за собою два-три процента всей эмиграции. Что **может** дать нам объединение? К ста трем организациям, подписавшимся под Рыбаковым, прибавится и еще одна — сто четвертая. А дальше что? А дальше — вот что: **идея "Народной Монархии"** будет весьма основательно **дискредитирована.**

Борис Николаевич прав, но прав только отчасти. Да, идея народной монархии **имеет** шансы "расти как снежный ком". Но она может быть сорвана — как слева, так и справа. И е с л и от имени монархии, в какой-то переломный период русской жизни, выступят сто три пузыря потонувшего мира, то они **наверняка,** со стопроцентной гарантией погубят русское монархическое дело.

***

Да, нам **очень** тяжело. Нас **травят** и левые и правые, и общественно и лично. Да, нас не поддерживают никакие иностранцы. И не только потому, что американское масонство настроено против России. Гитлер, по всей вероятности, масоном не был, а — в частности — потому, что **никакое** государство истории никогда не желало иметь очень уж сильного соседа или конкуррента. Монархическая Россия означает очень сильную конкурренцию.

Вот и остается единственный выход: нести эту идею ничем не запятнанной. А там — там, как Бог даст. И ни в каком случае не позволять себе уверенности в том, что "мы победим": мы можем и не победить. Очень многие люди истории человечества были уверены в победе — кончая, пока что, Гитлером. Мы обязаны делать для победы все, что мы можем сделать, но мы не имеем права закрывать глаза на все те опасности, которыми окружена идея Монархии Российской — и изнутри и извне, и слева и, еще более, справа.

Иван Солоневич

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман

Валерий Михайлович внимательно посмотрел на товарища Иванова.

—Да, вы правы, может быть. Тропа, по которой вы пойдете, вьется все время по берегу. Тогда вам только и останется что доставить генерала Буланина в Неелово. Не бойтесь, он нам не опасен. Нам опасен Медведев. Да и то — не очень... Словом, держите связь со Степанычем. Может быть, мы еще увидимся.

***

Товарищ Иванов еще раз оказался прав. Обезоруженный, но в общем вполне довольный концом этой экспедиции, маленький отряд брел все по той же тропе, которая вилась над горным речным обрывом. Товарищ Иванов обдумывал, как бы намекнуть красноармейцам на нежелательность допроса, но ничего не мог придумать. Один из отряда довольно безразличным тоном сказал:

— А вот, там, на берегу, что-то лежит, — как будто человек...

Все посмотрели в указанном направлении. Действительно, на каменистом берегу речки, наполовину в воде, лежало человеческое тело, которое могло иметь отношение только к генералу Буланину и больше ни к кому. Отряд разыскал более или менее подходящий спуск к реке, и на ее берегу обнаружил бесчувственное тело генерала Буланина. Его вытащили совсем на берег, и товарищ Иванов приложил свое ухо к серцу.

—Похоже, что жив. Давайте искусственное дыхание...

Тело генерала Буланина разложили на камнях и постепенно выдавили из него около полведра воды. Голова генерала Буланина была разбита в нескольких местах, волосы были в крови, правая рука была, повидимому, переломана.

—Нужно тащить, — сказал товарищ Иванов, — приготовьте что-нибудь вроде носилок. Но раньше нужно поднять его наверх на тропу.

Пограничники были дюжие ребята, но все-таки подъем на тропу был очень труден. Однако, во время этого подъема генерал Буланин издал нечто вроде слабого стона. Наверху пограничники соорудили из ветвей и поясных ремней и прочего нечто вроде носилок, и отряд двинулся дальше.

ТРИ НАЧАЛЬСТВА

Товарищ Медведев полусидел на своей кровати, к которой было приставлено нечто вроде пюпитра. На этот пюпитр товарищ Медведев мог кое-как положить свою переломанную руку. Он уже успел научиться зажигать спички одной рукой, и вся комната была наполнена легким сизым дымом. Товарищ Медведев курил одну папиросу за другой и в меру своих скромных сил пытался думать.

Думы оказывались пессимистическими. Мало того, что рука переломана, да еще и в Москве, его, Медведева репутация, конечно, подмочена очень сильно. Людей арестовывали, ссылали, расстреливали, а какая-то организация существует под самым носом. Тут Берман был прав: существует. И еще какая! Товарищу Медведеву начинало казаться, что дом номер тринадцатый с его распределителем и буфетом, с властью и прочим в том же стиле, начинал качаться под его, товарища Медведева, ногами, вот, поправится Берман, и он то уж его, Медведева, съест. Конечно, оставались таинственные папиросные окурки и таинственная беседа Бермана со Светловым, но товарищ Медведев очень хорошо понимал, что для Москвы все это не будет иметь решительно никакой убедительности: даже и соваться не стоит.

Кто-то постучал в дверь. Медведев крикнул "заходите!" В комнату вошел санитар и доложил:

—Так что, товарищ Иванов просит разрешения?

Столь скорого возвращения майора Иванова товарищ Медведев все-таки не ожидал: значит, опять что-то такое случилось.

—Позови его сюда...

В комнату вошел товарищ Иванов — все с тем же ничего не выражающим деревянным лицом, — которое, впрочем, на этот раз возглавлялось основательной шишкой на лбу. Он был

DOS CARTAS SOBRE RUSIA Y EL COMUNISMO

II.

Del Conde DE JORDANA, Ministro de Asuntos Exteriores de España, al Señor CARLTON J. H. HAYES, Embajador en España de los EE. UU. de América.

Madrid,
29 de octubre de 1943.

"Mi querido Embajador
y amigo:

"Celebro mucho que la carta que me ha dirigido, con fecha 21 de octubre, tenga un carácter puramente personal, según me manifestó usted reiteradamente, porque esto me permite expresarle, con toda franqueza y a título también personal, la viva sorpresa que me ha producido por lo extrañamente desconcertadas que están sus ideas con la realidad española y con la visión de este problema que nuestro Gobierno y nuestro país tienen. Esta visión, expuesta públicamente por el Generalísimo y aun por mí, se basa en la aceptación de los principios cristianos tal como los acepta la Santa Sede, rechazando, por tanto, lo que ésta considera condenable; lo cual expresa con suficiente transparencia y claridad nuestra posición doctrinaria en el punto a que usted se refiere.

"Respecto a las relaciones con Moscú existen dos puntos de vista, el del señor Embajador y el mío. Yo comprendo que en un país beligerante la psicosis de la guerra influya en que todo pensamiento y todo esfuerzo se concentren exclusivamente en el deseo de obtener la victoria y a esto se subordine todo; pero espero que el señor Embajador comprenderá que en un país neutral un gobernante sea sensible a la obligación que tiene de ver más allá de la guerra, muy por encima de los sucesos militares y plantearse en toda su extensión los problemas espirituales de su época.

"Como el Generalísimo Franco ha expresado reiteradamente y de manera especial en su discurso del 1 de octubre (del que le envío algunos párrafos), España estima que "independientemente de lo que la suerte de las armas decida en la contienda", muy anteriormente a la guerra y con mucha más profundidad que ésta, existe en el mundo un problema espiritual de la más extraordinaria trascendencia, constituído por el ambiente revolucionario de unas masas alejadas de la creencia en Dios y que, por lo tanto, aspiran a mejorar su situación económica por la violencia, empleada sin escrúpulo ni limitación alguna, apoderándose de abundantes riquezas para disfrutarlas ampliamente mientras dure esta vida, cueste lo que cueste y empleando los medios a propósito, cualesquiera que éstos sean. Este espíritu revolucionario de diferentes matices, ha venido a agruparse bajo lo que se conoce con el nombre genérico de bolchevismo. La guerra es un fenómeno pasajero, mientras que el espíritu revolucionario de las masas constituye el problema fundamental de la época presente, de una hondura y de una permanencia muchísimo mayor que la del conflicto bélico.

(Continuará)

грязен и обмундирование было порвано.

—Ну, что?— нетерпеливо спросил товарищ Медведев.

—Так что, разрешите доложить, — в засаду попали.

Товарищ Медведев только свистнул и стал ждать дальнейших разъяснений.

—Мы, продолжал товарищ Иванов, — нагнали было генерала Буланина. Он убил одного проводника и пытался убить другого.

Товарищ Медведев свистнул еще раз.

—А это — с чего?

—Не могу знать. Надо полагать — деньги. Генерал натолкнулся на той же тропе на какого то, — не знаю, то ли попа, то ли отшельника, потом тот говорил, что он агент Коминформа и едет с инструкциями и деньгами куда то в Китай. Похоже. А денег было много. В валюте. Сам считал и запечатал.

—А где эти деньги теперь?

—Обратно у этого попа. Так что, генерал убил сына Чжан Мина, стрелял в него самого, только Чжан Мин успел сбежать, а нас обнаружили и обстреляли, однако без потерь. Сами знаете — тайга...

—Знаю. Сам так делал.

—Так что мы и повернули. И попали в засаду. Пришлось разоружиться. А с засадой был и Чжан Мин — собирался повесить генерала— там был еще какой-то русский, который всем распоряжался.

—Светлов? — с жадностью спросил товарищ Медведев.

—Не могу знать. И этот самый мужик Дубин. Ну Чжан Мин собрался вешать генерала, а тот вынул револьвер, и то ли убил, то ли ранил и Чжан Мина и вот того бродягу, который там на мосту... Вы сами знаете.

—Знаю, знаю, дальше.

—Но бродяга и Чжан Мин успели броситься на генерала и все свалились вниз. Генерала мы потом подобрали верстах в двух на речке. Без сознания. Сейчас представили его в околоток.

—Садитесь, — сказал Медведев, — берите папиросу. Отчего вид у вас такой растерзанный?

—По откосам лазили. А так — ничего. Домой я не заезжал, потому что, как я понимаю, дело может быть срочное.

—Срочное! — саркастически сказал товарищ Медведев. —Вот, уже, кажется, года два тянется. Это, значит, отряд перебили, авто в воду спустили, мне руки переломали, товарищу Берману чуть череп не размозжили, аэродром сожгли, наш дом подожгли, теперь вот генерала Буланина... а что, собственно, с ним?

—Полагаю, рука сломана, череп поврежден, воды наглотался, а что больше — не могу знать...

—Но из отряда никто не убит?

—Никак нет. Ни убитых, ни раненых.

—Их всех нужно изолировать. Такое обращение со стороны врага размагничивает бойцов, понижает дух непримиримости... А этого Светлова вы видели?

—Точно так, видел. Должно быть, это все таки он.

—Ну, что он?

—Серьезный мужчина. — неопределенно ответил товарищ Иванов. —Собирался генерала Буланина повесить. Чжан Мин уже и веревку приготовил. А потом — почему-то дали уплыть.

—Может быть, не успели стрелять?

—Нет, для стрельбы время было.

—Непонятно. А сколько денег было у этого то ли попа, то ли эмиссара?

—Около двадцати тысяч английских фунтов и около ста тысяч американских долларов.

—Ого — это деньги!— товарищ Медведев даже свистнул...

—Кроме того, у самого генерала оказался платиновый портсигар, — кажется, очень тяжелый.

—Так. Какая у вас гипотеза по этому поводу, товарищ Иванов?

На деревянном лице товарища Иванова чуть-чуть проступило нечто вроде раздражения.

—Был ли этот поп эмиссаром, или не был, мы этого не знаем. А Чжан Мин с его сыном были нашими людьми, и генерал Буланин это знал. Чувствовал он у нас, конечно, непрочность. Самая обыкновенная мысль: деньги есть и большие деньги — можно сбежать и жить спокойно.

—Н-да, товарищ Иванов, — сочувственно сказал Медведев, — спокойствия у нас маловато все борьба и стройка, стройка и борьба. Нужна привычка. Закалка... Я все таки пойду и опрошу ваших пограничников...

Медведев с трудом, и с помощью товарища Иванова, поднялся с койки и, уходя из комнаты, запер за собою дверь на ключ и ключ положил в карман больничного халата.

Пограничники сидели в комендатуре со сконфуженным видом, сквозь который все таки проступало плохо скрытое удовольствие: дешево отделались. Их допрос ничего не дал товарищу Медведеву, — люди давно были приучены не говорить ничего, вне пределов крайней необходимости. А в затруднительных случаях принимать баранье выражение лица. Покончив с опросом пограничников, товарищ Медведев приказал сейчас же отвезти их в какой то, ныне пустующий дом отдыха...

—А вы, товарищ Иванов, идите домой и ложитесь спать.

Товарищ Иванов снова вспомнил о своей востроносенькой жене. Хорошо бы завалиться куда-нибудь в другое место, но другого места не было. Он распрощался с Медведевым и отправился пока что в распределитель. Товарищ Медведев, все еще неся перед собою на кронштейне свою раненую руку, прошел в свою комнату, открыл ключем дверь и, подойдя к койке, обнаружил приколотый к подушке какой-то клочек белой бумаги. Как он мог сюда попасть? Может быть, был врач и приколол что-то касающееся Буланина? Товарищ Медведев вынул булавку, заколотую в подушку, и развернул бумажку. Это был маленький клочек, в половину формата открытки, и на нем мелким, твердым, ясным почерком было написано:

"Всякие разговоры о папиросах — смертельны"...

Товарищ Медведев как-то не сразу сообразил, в чем дело. И, когда сообразил, то своей здоровой правой рукой вытер проступивший на лбу холодный пот.

(Продолжение следует).

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAÍS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijonovich, Calle Oliva 227, Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8405 Correio Central, Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 173 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 10733 — 117 str., Edmonton, Alta.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s|Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА "НАШУ СТРАНУ"